

Два одинокчества

Николай Липницкий

Николай Иванович Липницкий

Два одиночества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31514233

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга о судьбах двух одиноких людей с непростыми характерами, которых сталкивает жизнь на одном из своих поворотов.

Николай Липницкий

Два одиночества

На фоне морозной синевы безоблачного неба очертания гор смотрелись, как нарисованные карандашом. Кроссовки скользили по заиндевевшим камням, облачка пара, выдыхаемые из разгорячённых глоток, оседали мелкими кристалликами на меховых воротниках зелёных бушлатов. Тропа, то полого петляла между валунами, наваленными в каком-то хаотическом порядке, то круто взмывала в гору. Автомат привычно давил на плечо, штык-нож, отбивая ритм, бил рукояткой по пряжке портупеи, а во фляжке заманчиво булькало поллитра спирта, выпрошенного у девчонок из полевого госпиталя. Цепочка бойцов поднималась к гряде, торопясь занять позиции на господствующей над трассой высоте. Вдруг стройная змейка взвода сломалась. Косицин, выскочив из строя, сошёл с тропы и помчался к ближайшему валуну.

– Косицин! Стой!

– Да я сейчас. Подперло мочевого пузырь, спасу нет!

– Назад, я сказал!

– Ну не могу я на тропе, не мо... – мощный взрыв оборвал крик Косицина.

В небо взметнулся столб огня, сыпануло крошевом камня... Макс закричал и сел в постели. По ложбинке между

лопаток потёк противный, холодный, липкий пот. Откинув сырую простыню, Максим встал и закурил. Сизый дым потянулся по комнате и тонкой струйкой потянулся в открытую форточку. Опять сны... Что было дальше, он знал. По склону, таща за собой окровавленные внутренности и остатки ног, полз Косицин. Сил кричать у него уже не было, он скулил как щенок, поворачивая голову из стороны в сторону и глядя вокруг, уже, невидящими глазами.

– Стоять! – скомандовал Макс незнакомым, каким-то чужим, деревянным голосом и осторожно шагнул с тропы.

Косицин подорвался на противопехотке. Значит, где-то здесь могут быть ещё мины. Сапёры, они что, тропу почищают и всё. Первое правило: с тропы не сходить. А Косицин сошёл... И сейчас надо его оттуда достать. В голове кто-то услужливо подсказал: «Чтобы похоронить». Максим чертыхнулся и сделал ещё несколько шагов, до боли в глазах вглядываясь в землю под ногами. Ещё шаг, ещё... Ноги стало сводить судорогой от напряжения, зрение затуманилось. Что бы как-то дать глазам отдых, Макс закрыл их, а потом открыл и посмотрел назад. На тропе, рассредоточились, удерживая сектора, его бойцы. Он опять повернулся, и пошёл вперёд. Косицина на тропу вытащили уже мёртвого. «Хоть немного мучился» – опять подсказал кто-то в голове.

Да, это всё было именно так. Проклятая война. Сколько лет прошло, а почти каждую ночь... Старенькие командирские часы показывали без четверти шесть. Скоро всё рав-

но вставать. Макс зябко поёжился. Уголь давно прогорел, и печка стояла холодная. В комнате ощутимо пахло сыростью. Максим плеснул на лицо холодной воды из умывальника, наскоро почистил зубы и побрился. На плите уже насвистывал чайник. Хлопнув дверцей старенького холодильника, Макс извлёк из его недр кольцо колбасы и пачку масла. Масло было мерзлое, и мазаться на хлеб не хотело. Он поэтому и не любил покупать его. «Рама» в любом виде хорошо намазывалась. Но вчера в магазине было только масло.

Быстрый завтрак и – в путь. Старенький «Москвич» ходко шёл по дороге в город. Зима в этом году выдалась сырая. Оттепели сменялись обильными снегопадами, на дорогах сплошная слякоть и каша из сырого снега вперемежку с грязью. Машина юзила на поворотах, но шла уверенно. Город встретил пробками, машинами, чадящими на перекрёстках и толпами бестолковых прохожих. Макс лихо вырулил на «пятак», и встал аккурат за «Оппелем» Мыктыбека. Братья-таксисты с готовностью расступились, вовлекая Максима в свой кружок.

– Да пошла ты со своей мясорубкой! – под общий хохот услышал конец какого-то анекдота Макс.

– Привет, Макс! Как дела? Что там за городом?

– Да всё так же, как и здесь. Как клиенты?

– Клиент, как всегда. И в такси хочет проехать, и копейку свою в кармане жмёт.

– Погода паршивая. Только из машины вышел, уже ноги

мокрые.

— Да, сырость просто кошмар. Да и обувь нынче, за сколько ни купи, всё картон с целлофаном. С виду чистая кожа. А как в сырость попадёт, моментом ноги мокрые.

— Ладно, пойду в машину, там хоть печка. Недосуг мне ноги мочить. Ещё не хватало свалиться с простудой.

Макс забрался в машину и, включив радио, откинулся на спинку сиденья. Сквозь лобовое стекло было видно, как клиенты расхватывали машины и уезжали по своим делам. Вот и его очередь, однако, клиент, скользнув невидящим взглядом по «Москвичу», устремился к стоящему сзади «Фольксван-пассату». «Москвич»... Единственный на «пятке». Естественно, что он катастрофически проигрывал в сравнении с иномарками других таксистов. Обидно, конечно, однако Макс особо не расстраивался. Спасибо, что хоть какой-то заработок.

Когда он в первый раз приехал на этот «пятак», мужики ему так и сказали: «Вообще-то новички у нас проставляются по полной. А здесь, хоть самим поляну накрывай. Какая реклама нашим иномаркам появилась». Да и рад бы Максим на иномарке ездить. Однако, спасибо судьбе и за такую машину. Дворники сметали хлопья снега с ветрового стекла, печка уютно гудела, поставляя в салон струи горячего воздуха, и мысли привычно текли по одному, только им известному, руслу.

После второй контузии Максима комиссовали из армии и, придя в совершенно другой, гражданский мир, Макс потерялся. Профессия офицер здесь звучала почти так же, как и инопланетянин. Поселился у матери, однако вскоре понял, что её пенсии, плюс его пенсии по второй группе инвалидности хватает только на то, чтобы тихо, на твороге и кефире, достойно встретить старость. Вот с этим Макс согласиться не смог. Положение добило то утро, когда Макс проснулся от собственного крика и ощутил на своей голове руку матери. Это стало для него последней каплей. Его сны – это его боль, его несчастье. И впутывать, кого бы то ни было, это было бы нечестно. На остатки армейской страховки,

Максим купил «убитый» «Москвич» ядовито-зелёного цвета и домик в дачном посёлке. С домиком вообще сказочно повезло. На фоне всеобщего развала дачи практически ничего не стоили, поэтому домик с участком удалось купить за сущие копейки. Осталась мечта: скопить на хорошую иномарку. Например, на «Ауди 100». А дом... Макса вполне устраивал и этот. Главное, что один. Сны, которые посещают его каждую ночь, не должны никого волновать. Это там, на войне, он думал, что все эти жертвы – боль всего народа. Оказалось – это только его боль. Пусть будет так. Макс сам справится.

Одна за другой, машины рассосались, и на пятаке остался только «Москвич». Мимо пробежала «собачья свадьба». Среди своры бродячих дворняг чужеродно выделялась бла-

городная колли со свалывавшейся грязной шерстью. И совсем ещё не старая собака, кем – то выброшенная на улицу, она всем своим видом олицетворяла укор всему человечеству, так вероломно поступавшему с друзьями человека. «Совсем, как я», – подумалось Максиму. Мокрые хлопья снега грузно падали на лобовое стекло и капот. Дворники, натужно взвывая, опять прошлись по стеклу, сметая сугробики.

На обочине Макс увидел одинокую фигурку женщины в достаточно дорогой дублёрке. Балансируя на высоких «шпильках», она безуспешно пыталась поймать такси. Проезжающие мимо машины обдавали её брызгами грязного полужидкого снега. Она уворачивалась от брызг и упорно пыталась поймать свободную машину. Всё ясно. Старый «Москвич» её не устраивал. А иномарки под рукой не оказалось.

Макс отвернулся от неё и стал опять наблюдать «собачью свадьбу». Колли сцепилась с беспородной дворнягой за обладание дамой сомнительной масти серобуромалинового цвета. Жалко таких собак. Они не конкуренты истинным дворняжкам. Так же как и Максиму, им приходится выживать в совершенно непривычных для них условиях. И вступать в борьбу с теми, для кого этот мир – дом родной. «Забрать его, что ли?» – Подумалось Максиму, – «Всё же собрат по несчастью. Будет дом охранять. Всё лучше, чем по помойкам бегать». Макс уже открыл дверцу, чтобы позвать колли, когда к машине подошла та самая дама, которая безуспешно

пыталась поймать более приличную машину.

– Вы свободны?

– Да, садитесь.

Женщина уселась на переднее сиденье, брезгливо поджав губы. По сердцу больно резануло. «Это что?» – подумалось ему, – «Значит, если на «Москвиче», то уже не человек?». Дама была красива. Но красива холодной красотой, которая даже не вызывает мысли подойти и познакомиться. Она нервно закурила тонкую дорогую сигарету, кажется, «Вог».

– У меня в машине не курят – неприязненно бросил Максим.

– Вот ещё. Я в такси села или куда? Я деньги плачу не только за то, что бы ты меня довёз, но и за то, что бы закурить, если мне захочется. У самого в машине накурено, а мне права качаешь! – парировала незнакомка, – Лишний столтник заплачу и пить у тебя в тачке буду. Ты вези, давай.

Как обычно, после хамства, резануло болью в основании черепа, сыпануло искрами из глаз и, резко вырулив из крайнего левого ряда в правый, не обращая внимания на возмущённые сигналы машин, он остановил свой «Москвич» у остановки. Перегнувшись через ошалевшую фифу, он открыл дверь и прошипел: «Вылезай».

– Простите? – ошалело пробормотала она.

– Я сказал, вылезай. Ищи себе другую тачку.

Женщина вылезла из машины, Макс резко газанул и, юзя на снежной каше, умчался по дороге. Жаль, только, колли не

взял. Всю жизнь он испытывал привязанность именно к этой породе. Максим всегда боялся собак. Даже, маленькая шавка внушала ему серьёзные опасения. А, вот, колли никакого страха в душе Максима не рождала. Наоборот, она создавала ощущение полной безопасности. Тем более было обидно видеть её среди дворняжек на городской помойке. «Со всем, как та дама на «пятак», такая же беззащитная и чужеродная», – некстати подумалось Максу. – «Тьфу! Далась она мне!»

На «пятак» уже опять собрались таксисты в ожидании клиентов. Колли со своей сворой куда-то убежала. В душе поднялась волна неприязни к давешней клиентке. Однако, рутина работы отвлекла от неприятных мыслей. В конце концов, фифа – фифой, а работать надо. На нового железного коня тоже нужно зарабатывать. Желания выходить и точить лясы, не было, печка дула горячим воздухом по ногам, в машине было уютно и тепло, и Макс остался в салоне. Мысли потекли в привычном русле.

После войны приехал он в родной город. Потянулись старые дворовые друзья. Бутылка за бутылкой, застолье за застольем... Глупостей было надделано немало. А, потом, как пелена с глаз упала. И увидел Максим перед собой не друзей, с которыми он вырос, а опустившихся алкашей, ничем не напоминающих тех пацанов, с которыми когда-то совершал набеги на яблони в соседнем детском саду. Домик в дачном посёлке явился тем спасением, которое помогло ему вы-

рваться из этой трясины.

Остаток дня прошёл без происшествий, и уже по темноте Макс вернулся домой. Привычный холостяцкий ужин и спать. Сырое бельё раздражало, но делать нечего. Каждую зиму сырость проникала во все вещи, и избавиться от неё было просто невозможно. Может всё дело в том, что печка разжигалась только перед сном, а основное время в доме царил холод. Но ничего. По военной привычке, надышал под одеяло. Стало теплее. Пригрелся и провалился в сон.

Пули впились в саманное тело домишки, в котором они нашли укрытие. Выстрел из гранатомёта разворотил угол. Потолок просел, обнажив выбивающуюся из глины солому. Провисла пара брёвен, и крошево глины посыпалось за шиворот. Макс перебежал к другому окну, на ходу крикнув Емельяненко, чтобы прикрыл со стороны двери. Радист Тихонов ткнулся головой в шипящую рацию. На виске расплзалось пятно крови. Перед окном вскинулась фигура боевика, заросшего бородой до самых глаз. От неожиданности Макс отпрянул и инстинктивно нажал на спусковой крючок. Очередь отбросила бородача назад и разворотила его грудь. Это был, наверное, просто предсмертный оскал, но выглядело это, как смех. Смех над Максом.

Он опять проснулся от своего крика. Столько лет прошло. И этот дух уже давно сгнил в сырой земле. А, всё равно, через время, он всё смеялся и смеялся. Проклятые сны. Когда-ни-

будь это закончится? Время пять утра. Макс подкинул угля в остывшую печку, разжёг огонь и пошёл умываться. Всё равно, больше не уснуть. Пока чайник на плите напевал свою песню, он вышел во двор. Небо снова затянуло, и не было видно ни одной звезды. Пустой двор опять напомнил о той колли, которую он видел несколько дней назад. Жаль, что не забрал. Породистых собак, вообще, жалко. Дворняги, когда по помойкам бегают, это понятно и привычно. Но, когда породистые... Ну не рождены они для этого. Хотя кто знает, кто для чего рождён? Макса тоже вряд ли рождали, чтобы он людей убивал. А, ведь, убивал.

И эта фифа. А, красивая, стерва. Только, надменная. Есть у неё мужик, или нет? Если есть, то, точно, подкаблучник. Уже сколько дней прошло, а мысли, нет-нет, всё к ней возвращаются. Может, всё-таки, зря с ней так обошёлся. Всё-таки клиент. А клиент всегда прав. И в машине он никому никогда не запрещал курить. А тут завёлся. Просто заело, с какой миной она в его машину садилась. Хотя, конечно, «Москвич», это не иномарка. Ну, ничего. Скоро будет у него «Ауди 100», потом посмотрим.

Сегодня встал слишком рано, поэтому, можно не торопиться. Налил себе крепкого чая, намазал толстый кусок хлеба «Рамой» и не торопясь, стал жевать. Радио привычно мурлыкало какую-то попсу. Вообще-то нужно уже давно купить телевизор. Но жалко денег. Каждую копейку он откладывал на новую машину. Вот возьмёт нового железного ко-

ня, потом, уже, всё остальное. И ремонтник сделать бы не мешало в доме, ну мебелишку новую прикупить. Ну и, конечно, телевизор. Потом и «тарелку» можно будет поставить. Мечты, мечты. Пора выезжать.

Машина послушно помчалась по привычной дороге в город. Посыпал мелкий нудный дождь. Сто процентов, часа через два он перейдёт в снег. Когда, уже, эта слякоть закончится? На выезде из дачного посёлка стоял Мишка Ковалёв, в прошлом автобусник с пятого маршрута, а, ныне, заслуженный алкаш. Он уныло мял снежную кашу полуразвалившись ботинками, безнадёжно глядя в след проносившимся автомобилям. Денег, не только на такси, но и на банальный автобус, судя по его оплывшей от пьянства морде, не имелось. Одна надежда, что, кто-нибудь, вспомнив, что парень Мишка неплохой, подберёт его до города за бесплатно. «Что смотришь? Садись!» – прокричал Макс, открывая переднюю правую дверь. Миха, замявшись самую малость, рванул к машине и плюхнулся на переднее сиденье.

– Что, Миха, погуляли вчера?

– Вечеринка только тогда удалась, когда хочется попросить прощения, а не помнишь за что.

– И ты не помнишь?

– Я даже не помню, стоит ли просить.

– Но, зато, вчера было очень хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Да потому что сегодня тебе уж больно плохо.

– Уж, точно, тяжко. Дай на опохмел, а? Ну, хоть на бутылку пива.

Макс повернулся и посмотрел на Ковалёва. Сколько лет прошло? Было время, когда у каждого «автобусника» всегда околачивалась команда подростков. То ли из обоюдной скуки, то ли, ещё, зачем. Но Михина «пятёрка» под номером три ноля три надолго стала местом тусовки Макса. Мотались днём по маршруту, а вечером с последнего круга уходили таксовать, где-то, на час. Там и Максу перепадала лишняя копейка. Всё это далеко в прошлом, а Миха, вот он, спившийся на нет. И жалко мужика, и что поделаешь?

– На мелочь. Здесь на пиво должно хватить.

– Вот спасибо. Я тебя ещё пацаном заметил, сразу подумал: стоящий.

– Ладно, прекрати бодягу.

Дорога шла в гору, и впереди появился участок дороги, который всегда внушал Максу опасение. На этом участке дорога из подъёма резко переходила на спуск, и поэтому встречную машину можно было заметить слишком поздно. Макс сбросил скорость и осторожно подъехал к опасному участку. Так и есть. Перевалив через подъём, он увидел белую «Тойоту камри», стоящую так, что, лети Максим с большой скоростью, точно вписался бы ей прямо в задний бампер. Машина крутая, такому владельцу не докажешь, что не виноват. И за такую машину не расплатиться. В голове при-

вычно промелькнули нелестные высказывания в адрес владельцев дорогих иномарок, которым никакой закон не указ.

Осторожно объезжая «Тойоту», Макс не сразу заметил за капотом дорогой машины одиноко стоящую женскую фигуру, по-видимому, хозяйку автомобиля. Приняв вправо, и съехав на обочину, Максим пошёл в направлении иномарки. Что-то в этой фигуре показалось знакомым. Ба! Да это же давешняя знакомая! Воистину, неисповедимы пути твои, Господи! Мадам, тоже узнав Макса, постаралась придать лицу независимое и надменное выражение.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи.

Максим посмотрел на её замшевые сапожки, увидел разводы влаги, поднявшиеся до щиколоток и, почти физически, ощутил сырость промокшей обуви. Носик его неожиданной знакомой посинел от холода, а белые пятна на скулах явно говорили о том, какого труда стоило фифе не стучать зубами. Злость и агрессия, поднявшиеся, было, в душе, вдруг сдулись, как дырявый воздушный шарик, уступив место жалости. Времени на реверансы не было.

– Миха! Бегом сюда! А вы, дамочка, садитесь в мою машину и грейтесь. И, прошу без протестов. В сапожках уже давно, наверное, хлюпает.

Мишка резво выскочил из машины и подбежал к «Тойоте». В шесть секунд сообразив, в чём дело, он занялся иномаркой. Ковалёв, несмотря на страсть к горячительным напиткам, славился своим знанием двигателей, как дизелей,

так и внутреннего сгорания. Фифа, вдруг потеряв весь свой гонор, послушно пошла к «Москвичу» и села на переднее сиденье. Макс не выключил двигатель и в салоне сейчас, вероятно, были самые настоящие «Сочи». Минуты через три Миха вынырнул из чрева «Тойоты» и радостно провозгласил: «Плотно сдохла. К бабке не ходи. Только на СТО гнать. Здесь делать – дело тухлое». На лицо хозяйки машины было жалко смотреть.

– Что же мне с машиной делать? – на большие красивые глаза навернулись слёзы. – Я же её здесь оставить не могу.

– Спокойней, пожалуйста. На каком СТО вы обычно машину делаете?

– На Ремзоне.

– Ну, почти по пути. Миха! В багажнике у меня посмотри трос.

Ковалёв порылся в «Москвиче» и извлёк на свет божий стропу от тормозного авиационного парашюта.

– Этот, что ли?

– Да. Давай, цепляй. Сядешь за руль. Поможем девушке её карету на СТО доставить?

– Да на раз. Хоть раз в такой тачке посидеть.

Миха с готовностью бросился цеплять «Тойоту» к фаркопу «Москвича». Макс сел за руль своей машины, тронулся с места и только тогда глянул на свою попутчицу. Та в растерянности хлопала пушистыми ресницами, на которых всё ещё держались слезинки.

– Зачем вы мне помогаете?

– Закон автомобилиста. В беде не бросаем.

– Почему-то, остальные бросают. Я уже два с половиной часа на этой проклятой дороге простояла.

Максиму вспомнилось, как в Нагорном Карабахе он шёл в составе колонны старшим машины. Тогда они уже проскочили опасный простреливаемый участок, но идущая сзади машина вдруг заглохла и встала посреди хаоса огня.

– Стой! – заорал тогда на водителя Макс. – Сдавай назад!

– Туда нельзя! – в страхе замотал головой молодой солдатик-водитель.

– Пошёл вон! – Максим одним толчком выкинул совсем не сопротивлявшегося солдата, сам сел за руль, переключил скорость и сдал назад, в самое пекло.

– Держи трос! – крикнул он спрятавшемуся за колесо водителю. – Давай быстрее, пока нас с вами тут на веки вечные не оставили!

Старший машины, молодой лейтенант перехватил конец и кинул его на буксировочный крюк. Водитель прыгнул за руль, и сцепка медленно, волоча пробитыми шинами по грунту, выползла из-под огня.

– Я за них не отвечаю. А сам никогда на дороге в беде не бросал.

Фифа недоверчиво взглянула на Макса. Максим уверенно вёл машину, изредка бросая взгляд в зеркало заднего ви-

да. Искося он наблюдал за своей пассажиркой. Если, в начале, прибитая свалившейся на неё неприятностью, она своей беззащитностью вызывала желание обнять и пригреть её на своей груди, то, по мере согревания, прежняя надменность опять ужесточала черты её лица. Каких-то десять минут, и в кресле пассажира опять сидела несгибаемая леди. Волна антипатии вновь поднялась в груди Макса. Однако закон дороги требовал помочь. «И сдалась она мне?» – подумалось Максиму, – «Лучше бы, уродина, какая, подвернулась!»

– А вы, что, совсем в машинах не разбираетесь? – насмешливо поинтересовалась фифа.

– С чего это вы взяли?

– А что же алкашу какому-то поручили посмотреть, а сами и близко не подошли?

– Да, после этого, как вы говорите, алкаша, там делать нечего. Он автомеханик от бога. Через это и спился. Слишком много благодарных клиентов водкой расплачивались. Его и сейчас на любом СТО с руками и ногами возьмут. Только, это ему, уже, не надо.

– Почему?

– Да он привык так жить. На дачах кантуется. Кому-нибудь машину сделает за выпивку и закуску – и жизнь прекрасна.

Она посмотрела на Макса. Короткие, с проседью волосы, уверенный взгляд, плотно сжатые губы. Руки уверенно лежали на руле. Человек, который всегда знает, чего хочет, и

привык добиваться своей цели.

– А у вас здесь дача?

– Живу я здесь. А вы?

– У мамы моей здесь, как она выражается «фазенда».

– Так она у вас фазендейро?

– Да, что-то вроде того. Любительница в земле покопаться. В городе хорошая квартира, а она всё сюда рвётся.

– Бывает.

– Вас как зовут?

– Как пулемёт.

– Это как?

– Максим. А вас?

– Юлия.

– Красивое имя. Всё верно.

– Что верно?

– У красивой женщины должно быть красивое имя.

Она посмотрела искоса на Макса. Нет, он не смеялся и не пытался делать комплименты. Просто констатировал факт. Как точку поставил.

Город опять приветствовал пробками, однако до СТО добрались без приключений. Фифа была, по-видимому, здесь почётной гостьей. Об этом говорило то количество персонала, выскочившего, чтобы принять машину.

– Ну что, вот и приехали. Хорошего вам ремонта, а мы дальше. – Макс протянул руку для пожатия.

– Спасибо большое. Это вам. – В руке у Максима что-то

захрустело.

– Что это? – Макс разжал ладонь и увидел в руке довольно крупную купюру. Полдня нужно работать, чтобы заработать столько. В голову ударила волна эмоций. – А ну-ка, забери свои «бабки»!

– Да ты что, дурачок? Нервы беречь надо. Успокойся. – Вполне естественно удивилась фифа. – Каждый труд должен вознаграждаться. Ты меня не бросил, и я тебя благодарю.

– Да что это вы всё на деньги меряете! Неужели для вас больше и ценностей нет! – Макс швырнул купюру на асфальт. Круто повернулся и пошёл к машине. Сзади раздавались какие-то возгласы: то ли удивлённые, то ли возмущённые, однако это его уже не волновало. Рычаг на первую скорость – и вперёд. Дальше от этих продажных тварей.

Он приходил к Максиму уже, наверное, неделю. Придёт, возьмёт из угла стул, сядет рядом с кроватью и просто смотрит. А смотрит так, что печёнки застывают. Макс просыпается и сразу бросает взгляд в угол. Стул стоит на своём месте. Опять сон. Что же разбредило его, если последнюю неделю в покое никак оставить не может? Макс поднялся с постели, подошёл к умывальнику и постарался смыть с тела липкий пот. Одной сигареты слишком мало. Тут в пору сто грамм на грудь. Максим всё помнит. Такое не забывается. На этой высоте он со своей ротой меньше месяца назад обеспечивал продвижение колонны. Позиции – загляденье. И вот сейчас

там духи. Две атаки – псу под хвост. Не подступишься. Людей жалко. Да и облачность – на вертушки никакой надежды. Сидят, сволочи, никаким дустом не выкуришь. И тут Косицын. Тогда ещё живой.

– Товарищ старший лейтенант! Есть там тропочка! Можно подойти.

– Какая ещё тропочка? Мы, когда там сидели, все подступы изучили. Нет там никакой тропы. Да и духи тебе что, логи, что ли?

– Да никто её не знает! Я сам тогда обалдел. Мне по большому приспичило. Я под обрыв отошёл, туда, где заросли боярышника. Помните?

Как не помнить. Макс всё помнил. И заросли боярышника тоже. Кто же знал, что кому-то приспичит переться в эти колючки? А Косицин полез. Он всегда отличался от остальной своей интеллигентности. Ну и в туалет ходил куда-нибудь подальше. Не любил на виду у всех. Кто бы другой, так расселся бы метрах в пяти от позиций и все дела. А этому уединение нужно было.

– Так вот, я за кусты забрался, а там тропочка такая... Её сразу и не заметишь. Кусты колючие. Вряд ли кто в них лазил. А это даже и не тропочка, а так... Ну, точно не человеком протоптана. Кто по доброй воле в такие колючки полезет? Я ещё тогда хотел сказать, да всё и без меня решилось. Нам бы снизу по расщелине зайти. А там по тропинке прямо им в тыл и ударим.

Макс задумался. А, чем чёрт не шутит? В запасе резервный взвод. Пока, остальные, зализывая раны, поливают духов огнём почём зря, этот взвод по тропочке зайдёт и ударит в тыл. Глядишь – и возьмём высотку.

– А ну-ка, ко мне командира резервного взвода!

Командир резервного взвода, приданного специально для выполнения этой операции, новоиспечённый лейтенант Татаринов чётко, как на параде, взял под козырёк.

– Смотри: вот здесь тропка проходит. Духи вряд ли о ней знают. Пойдёшь по ней и ударишь в тыл. От того, как у тебя получится, зависит всё.

Лейтенантик позеленел. Дрожащими руками он снял с пояса флягу и сделал два больших глотка воды.

– Я не пойду.

– Что? – Макс показалось, что он ослышался.

– Я не пойду. Если надо, то простым бойцом. Но взвод я не поведу.

Голос отказал Максиму. Ему хотелось орать, однако из горла вырывалось одно шипение.

– Останешься здесь. – со свистом выдохнул Макс. – Взвод поведу я. Учти, приду живой, тебя под трибунал со всеми потрохами сдам. Понял! Где замкомвзвода? Стройте людей. Принимаю командование на себя. Они, тогда, прошли по той тропе и, буквально, свалились духам на головы. Рота поддержала, и бой быстро закончился. И, вот тут, его и огорошил сержант Нефёдов.

– Товарищ старший лейтенант, а Татаринов застрелился. Как застрелился? Ты что несёшь?

– Как вы с взводом ушли, так он отошёл в сторону и пульнул себе в рот. Никто и среагировать не успел.

В душе Макса поднялась волна злости и раздражения. Это, потом, заново прокручивая в памяти события войны, он осознал всю степень своей вины. Ведь Татаринов не боя испугался. Слишком неподъёмной для него оказалась ответственность за бой и за жизнь своих солдат. Простым бойцом он идти готов был. А Максим отказал ему даже в праве умереть в бою, не говоря уже о жизни. Макс поставил на плиту чайник и закурил новую сигарету. Что-то никак он сегодня согреться не может. Холодно, аж, до стука в зубах. Печка растоплена жарко, а тепла нет. И голова, какая – то, тяжёлая. Чайник закипел, но есть не хотелось.

Макс полез в древний буфет, оставшийся от прежних хозяев, и достал градусник. Так и есть. Температура. Вчера умудрился промочить ноги, и полдня не было возможности просушиться. Вот и результат. Ни о какой работе и речи быть не может. Он открыл банку мёда, положил пару ложек в чай, проглотил горсть таблеток и опять полез в постель. Лёжа и пытаясь согреться под одеялом, Макс, вдруг остро почувствовал своё одиночество. Он глянул вокруг и та простота интерьера, которая всегда ему нравилась, вдруг поразила его своим убожеством. В комнате сыро и неудобно. Не хватает женского тепла.

Ему, вдруг, сильно захотелось, чтобы кто-то был рядом. Даже, собаки нет. Надо было тогда ту колли забрать. Ещё раз увижу – заберу обязательно. Иногда, Макс представлял себе, как было бы, если бы с ним жила женщина. Не кто-то конкретно, а абстрактная среднестатистическая женщина. Но, сегодня, вдруг, ярко представилось, как по комнате ходит Юлия. Так ярко, что Макс перестал дрожать и, даже, икнул от неожиданности. Случится же такое. А, ведь, красивая, стерва. Но не про нашу честь, как говорится. Эта птица высокого полёта. Вон, какая. Муж, наверное, богатый человек. Мысли в голове стали путаться и Макс уснул. А во сне к нему пришла она, и он, пробормотав что-то, заулыбался.

Выходной день не задавался. Юля взяла книжку и уселась, поджав ноги на диван. Не читалось. Из головы никак не выходил тот хамоватый таксист. Гордый какой! Деньгами швыряется. Да пошёл он! Она обвела взглядом комнату. Её квартира всегда ей нравилась Дизайн разрабатывала сама Юля, ремонт бригада из Узбекистана, тоже, делала под её неусыпным контролем. Ох, сколько кровушки она им выпила. Но, зато, ремонт получился качественный. Вот, только, одиноко как-то. Юля встала и пошла на кухню. Электрочайник закипел почти мгновенно.

Она села за стол и развела себе растворимый кофе. Кухня забита доверху всякими приборами и агрегатами. Тут тебе и двухкамерный холодильник, и электромясорубка, и ком-

байн. Одна плита чего стоит. Вот, только, стоит всё это без дела. Не для кого готовить. А для себя не хочется. Разве что разогреть какой-нибудь полуфабрикат в микроволновке. Красота может быть проклятием. «Красивой женщине красивое имя» — кажется, так сказал этот таксист. Юля знает, что она красива. Ещё в школе за ней табунами ходили мальчишки. Девчонки завидовали и втайне ненавидели. А она знала это и не стремилась заводить подружек. Ей, вполне, хватало внимания пацанов.

Юля гордилась своей красотой и несла её по жизни гордо, как знамя. До поры. В институте на втором курсе она влюбилась в старшекурсника. Влюбилась так, что голова шла кругом. А он, поигравшись, убежал к другой. Сколько слёз было выплакано по ночам, знала только её подушка. Целый месяц ходила Юлька, как в воду опущенная. Вот тогда она и сделала вывод: красота должна быть с когтями и зубами, а, иначе, она превращается в мишень для подонков. Со временем выработался и стиль поведения, взгляд, голос, отрезвляющие любителей быстрой добычи.

Только, скольких нормальных мужиков она от себя оттолкнула? Да, где же эти нормальные. Нет сейчас настоящих мужчин. Вымерли, как мамонты. «А тот таксист — настоящий» — пронеслось в голове. Может и настоящий, а может, и нет. Но с ней давно никто не разговаривал подобным образом. Мужики, обычно, перед ней или немели, или заискивали. Но равнодушным никто не был. А этот совершенно рав-

нодушен. «Как болван» – подсказал ехидный голосок в душе. Некстати вспомнилось, как в машине ей внезапно, до звуков скрежета, захотелось прижаться к нему и ощутить эти уверенные руки на своих плечах. Если бы сидел он сейчас напротив и пил бы кофе, сразу бы стало гораздо уютнее и теплее. «Да дался он мне!» – разозлилась Юля, – «Что он, последний мужик на земле? Таксист какой-то. Даже приличной машины нет. Да ещё и хам. Захочу, любого мужика за получу». Вот, только, любого не надо.

Для всех вокруг она была настоящей железной леди. Успешная в бизнесе, красивая, холодная, да, к тому же, обладающая несгибаемым характером. И, только, она одна знала, как ей до чёртиков надоела эта роль. Да Юлька готова была позавидовать любой домохозяйке, считающей копейки от зарплаты до зарплаты мужа. Ведь, у них есть семья. А у Юли нет. И в первую очередь нет одного единственного, за которым, как за каменной стеной. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик» – вспомнилась услышанная когда-то поговорка. «А тот Максим, наверное, из породы тех мужчин, которые как стена. За ним никакие ураганы не страшны» – опять некстати подумалось Юльке.

Нет, сегодня дома явно не сидится. Прежде такая любимая квартира стала какой-то неудобной, и захотелось куда-нибудь уйти. Всё равно куда, лишь бы подальше отсюда. Только, куда? Подруг так и не завела, и друзей нет. Она схватила сотку и набрала номер.

– Алло, мама! Привет. Я хочу к тебе приехать.

– Что случилось, доченька.

– Ничего. Просто, тоскливо как-то.

– А я не дома. Вот, решила на дачу съездить. Соседи звонили, сказали, что возле дома

какие-то личности подозрительные крутились. Как бы, не залезли. Я и помчалась.

– Дача, так дача. Я скоро буду.

Машина вырвалась за черту города и помчалась по трассе. Вскоре, показались крыши дачного посёлка, и скорость пришлось сбросить. Привычно вписавшись в знакомый проулок, Юля остановила машину возле калитки маминой дачи. Мама успела поставить в духовку пирог и заварила чай со смородиновыми листьями. По дому распространился аромат смородины. Стало уютно и тепло, как в детстве. Мама посмотрела в глаза дочери.

– Что-то случилось? Не обманывай. Я же вижу.

– Да, ничего особенного. Просто, одиноко мне как-то. Раньше, такая жизнь вполне

устраивала, а, сейчас, выть хочется.

– Замуж тебе пора. Сколько можно в старых девах ходить? Бизнес бизнесом, а всех денег

не зарабатываешь. Да и счастье ни за какие деньги не ку-

пишь.

В груди стало оттаивать и, неожиданно для себя, она сказала матери про Макса. Мама слушала молча, не перебивая, а, когда Юля выговорила, прижала к своей груди и погладила по голове.

– Это ты, доченька, по настоящему чувству истосковалась. Только не торопись, разберись

в себе сначала. А то, что он таксист, а не бизнесмен какой, не мне тебе рассказывать, что среди богатых редко настоящие встречаются. Деньги людей портят.

На душе стало легко, и Юлька поднялась на ноги.

– Пойду, прогуляюсь. Давно здесь не была.

Она вышла из дома и пошла по улице. Где-то здесь тоже живёт Максим. Юлке вдруг очень захотелось его увидеть. Сигареты закончились, и Юля свернула к магазину. У входа она столкнулась с помятым нетрезвым типом, лицо которого показалось ей знакомым. Да это же тот автомеханик, который тогда на трассе смотрел её машину по просьбе Макса!

– Миша, – неожиданно для себя позвала его Юля, – Вы знаете, где Максим живёт?

– Какой Максим? А-а, Макс? А тебе зачем?

– Он мне нужен. – замялась было Юля, но, тут же, нашлась – Мне такси нужно.

– Макс болеет. На конечной много кто таксует.

– Нет, мне Максим нужен.

– Возьмёшь пузырь, отведу к нему.

Юлька купила Михе бутылку водки и пошла за своим провозатым, удивляясь своей решительности и не понимая, зачем ей это надо. Идти оказалось недалеко, и, вскоре, они остановились возле небольшого домика. Миха махнул рукой на калитку и поспешил прочь. Уж очень не терпелось открыть бутылку этой, на халяву доставшейся ему водки. Юля толкнула калитку и подошла к двери дома. В душе боролись два чувства. Ей хотелось увидеть Максима и, одновременно, хотелось развернуться и уйти на мамину кухню к горячему пирогу, уюту и запаху смородины. «Дура. Что я делаю?» – подумала Юлька, открывая дверь.

Макс, уже, два дня не вставал с постели. Температура под сорок не спадала, голова гудела как колокол и раскалывалась от боли. Все суставы ломило, особенно, те, что были вывернуты, когда его протащило взрывной волной по бетонке. Периодически, он впадал в забытье и опять попадал туда, на войну. Они снова проводили зачистку в том проклятом ауле. Внимательно оглядываясь по сторонам, медленно передвигались от дома к дому. На соседней улице раздались торопливые выстрелы, рванула граната, и всё стихло. Макс поднял голову и оцепенел. Из окна дома в него целился бородастый человек. Зрачок автомата заглянул прямо в душу. Сердце подпрыгнуло в груди и оборвалось куда-то вниз. «Вот и всё» – подумалось Максиму. Он закричал от страха и открыл

глаза. Что-то холодное на лбу вывело его из забытья. Макс попытался сесть, но чьи-то руки удержали его. Над головой склонилось лицо Юлии. «Так я ещё сплю» – подумал Максим – «Ну что же, сон хороший. Всё приятнее, чем Татариннов».

– Лежите, вам нельзя вставать. У вас высокая температура. Я здесь покопалась в ваших таблетках, но ничего стоящего не нашла. Одна просрочка. Сейчас приедет врач и что-нибудь придумает.

– Это не сон? Откуда вы взялись? Я думал, что вы мне снится.

– Меня ваш Миша привёл. А вы так кричали во сне! Вам, наверное, кошмары снились?

– Да, можно сказать, кошмары. Подождите, какой врач? Здесь в медпункте один фельдшер, и тот, уже, неделю не появляется.

– Это мой лечащий врач. Семейный доктор. Я ему позвонила и попросила приехать.

Макс прикрыл глаза от усталости. Голова шла кругом, и было очень трудно сосредоточиться.

– Зачем вам это надо? Я, бы, и так, завтра-послезавтра, оклемался. И не такое выдерживал. Подумаешь, простуда.

– Герой! – засмеялась Юлия. – Вы бы себя со стороны увидели. Мумия. Попейте, пока, вот это. – Она протянула Максиму кружку с горячим чаем. – Я тут у вас похозяйничала немножко. Вот мёд нашла. Как же вы так? У вас что, никого нет из

близких?

– Есть мать в городе.

– Что же она вас в таком виде оставила? Так ведь и умереть можно.

– В гости к богу всегда успеем, как говорил мой друг. А мать не знает, что я заболел. Как прихватило, думал, что отлежусь денёк. А потом уже не смог подняться. У меня же телефона нет, надо на почту идти. Да и волновать не хочется.

– А друзья?

– Да какие друзья? Алкаши местные? Я с ними, так, здравствуй – до свидания. Мне не интересно. Да и я им неинтересен. Я, же, постоянно за рулём. То есть, особо не пью. Зашли пару раз, за моё здоровье распили бутылку и ушли. Вы давно здесь?

– Да уже три часа.

– Вас муж искать не будет?

– Я не замужем. И никогда не была.

– Не может быть!

– Почему, же, не может?

– Такая красавица и не замужем? Или все мужики дураки, или я ничего не понимаю.

– Наверное, и то и другое – улынулась Юля – У меня здесь недалеко мама живёт. Вот она может волноваться. Я, сейчас, быстро схожу туда и вернусь. Заодно, и врача гляну. Он должен уже подъехать. Ладно? Только, вы не хулиганьте и не вставайте. Вам, сейчас, надо лежать.

– Мне, почему-то, кажется, что вы уйдёте, и я вас больше не увижу.

– Почему?

– Просто, так не бывает. Это похоже на сон. Даже, страшно. Вы – и здесь.

– Не надейтесь, никуда я не пропаду. Я решила взять над вами шефство. Ну, всё. Я побежала.

Она выпорхнула из комнаты, и её каблучки застучали по бетонной дорожке. Хлопнула калитка. Макс с шумом выдохнул воздух. Бред какой-то. А может, всё это ему приснилось? Нет. В воздухе остался лёгкий аромат её духов. А она не такая и стерва. Врача вызвала, чай подогрела... Хорошая. И не замужем. «Эй! Куда разогнался? Мечтать, конечно, не вредно, но рамки, какие-то, должны быть» – оборвал себя Макс. – «Посмотри на неё и на себя. Не твоего поля ягода. Вспомни, как она в твою машину садилась» Да, такой женщине, как бриллианту, нужна подобающая оправка. Макс посмотрел вокруг, и его уши вспыхнули от стыда. Она видела, в какой убогой обстановке он живёт! Что теперь Юлия подумает? Бомжара какой-то. И помогает ему просто из жалости. У них, у них, богатых, бзик такой: нищим помогать. Благотворительностью называется. Это они себя так перед Богом оправдывают. Гнев ударил в голову, в глазах потемнело, и Макс с трудом сглотнул ком, подступивший к горлу.

Юля забежала в дом. Мать вопросительно посмотрела на

дочь, но ничего не сказала, увидев сияющие глаза дочери.

– Мамочка, я ненадолго. Пирог готов?

– Давно, уже. Я его завернула в полотенце, чтобы не остыл, так, что, ещё, может, тёплый. Будешь кушать?

– Нет. Мамулечка, ты половинку отрежь, я с собой заберу. Мне некогда, я побежала.

– Ты хоть вернёшься?

– Не знаю.

Она села в машину и поехала к Максиму. К калитке она подъехала вместе с машиной доктора.

– Наконец-то. Здравствуйте. Пойдёмте скорее.

– Я из вашего звонка так ничего и не понял. Что случилось? Чей это адрес?

– Потом, доктор, потом.

Они поспешили по бетонной дорожке к двери. Юля влетела первой и, буквально, натолкнулась на колючий взгляд Максима. Атмосфера в комнате изменилась. На лице Макса читалось явное презрение.

– Это, кажется, благотворительностью называется? Похвально. Только, учтите, что я в подачках не нуждаюсь. Я работаю и обеспечиваю себя сам. И средств мне хватает. А со своей болезнью я и сам справлюсь.

– Максим, что вы говорите?

– Вы меня не поняли? Я сказал, что в подачках не нуждаюсь.

– Молодой человек, – вмешался в разговор врач, – свои

отношения вы потом выясните, а, сейчас, позвольте мне осмотреть вас. Я, всё – таки, выскочил из ванной, ехал из города. Не впустую же. Странно, но слова доктора убедили Макса, и он безропотно дал себя осмотреть. Врач открыл дипломат, извлёк оттуда какие-то ампулы, шприц, приготовил смесь и сделал укол.

– За вами кто-то ухаживает?

– Нет. Я один. Мама в городе живёт.

– Вы серьёзно простыли. Укол будет действовать в течение шести часов. Вам сейчас станет легче. Я бы рекомендовал вам на время лечения перебраться к маме. И вам понадобятся вот эти медикаменты. Я написал рецепт. Пожалуйста, приобретите.

Доктор встал и выжидающе посмотрел на Юлю.

– Всё, можно идти.

– Да, конечно. Идёмте. Нам здесь больше делать нечего, – ледяным голосом отозвалась она и, повернувшись к Максиму добавила. – Выздоровливаете. Больше, я вас не потревожу. Не беспокойтесь.

К маме ехать не хотелось. Она расплатилась с врачом и рванула в сторону города. В груди ледяной глыбой затаилась обида. Домой, только домой. На повороте машину занесло. Чисто автоматически, даже не осознав, что могла разбиться, она выровняла машину. Влетев в квартиру, Юлька, даже, не включая свет, бросилась на диван и, наконец, разрыдалась. Дура! Нашла настоящего мужчину! Да он, просто, припадоч-

ный какой-то. Она к нему всей душой, а он по этой душе грязными сапогами. Животное. А она, тоже, хороша. «Я над вами шефство возьму». Далось ему это шефство. Другой бы ей руки за это целовал, а этот... Тварь неблагодарная! Да, вот, только другой не нужен. И этот уже не нужен. Пусть загибается в своём обшарпанном домишке.

Нарыдавшись от души, Юля вспомнила про мамин пирог, достала его из пакета и, разогрев чайник, стала мстительно жевать, запивая чаем: «Пусть без пирога остаётся». На душе было гадко. В холодильнике стояла бутылка водки. Юля достала её и задумалась: выпить или нет. Завтра за руль, но хочется напиться. А, будь что будет. Водка хорошая, «Ржанка». После неё, говорят, на утро голова не болит, и перегара нет. Первая рюмка пошла трудно. Юлька пить не любила и не умела. Однако, вторая проскочила лучше. По телу разлилась приятная теплота, после третьей мысли затуманились, и Юля, покачиваясь и задев на ходу косяк, пошла спать.

Укол подействовал, и Макс, трезво поразмыслив, решил последовать совету врача. Наскоро собрав всё необходимое, он завёл свой старенький верный «Москвич» и поехал к матери. Гнев, бушевавший в душе, утих, голова успокоилась, и Максим призадумался над произошедшим. Случай, конечно, неприятный. Некрасиво он поступил, не сдержался. Да и она хороша. Кто её просил со своей жалостью лезть? По пути забежал в аптеку и купил лекарств. Мать встретила

встревоженными причитаниями.

— Куда же ты пропал? Я уже места себе не нахожу. Обычно на обед забегал, а тут на два дня пропал. Ты же знаешь, что я за тебя волнуюсь. У тебя ведь работа опасная. Сколько таксистов убивают, жуть, прямо!

— Я, мам, заболел. Два дня пролежал, сейчас лучше стало, решил у тебя поболеть.

— Правильно решил. И, вообще, что ты забыл у себя на дачах? Есть же квартира.

— Мама, об этом уже говорили, и я не хочу опять возвращаться к этому разговору.

Мать вздохнула и потащила Макса в кухню.

— Как чувствовала, лапши домашней наварила, какую ты любишь. Пойдём, поешь.

— Мама, не хочу я кушать.

— А кто тебя спрашивает? Совсем от рук отбился! Кушай, давай. А я, пока, постель приготовлю. Вон, на тебе лица нет. Покушаешь и ляжешь.

Макс и сам чувствовал, что действие укола проходит. Снова появляется ломота в суставах, а голова опять наливаются свинцом. Поев без аппетита, он перебрался на кровать и покорно отдался лечению мамы.

Простудился Макс действительно сильно, и проваляться в постели пришлось неделю. Похудевший и ослабший, он вы-

шел во двор пятиэтажки. Погода баловала почти весенним теплом. С крыши текло, почерневший от городской копоти снег грязными кучами медленно умирал в тенистых местах. Максим закурил и улыбнулся, подставляя лицо тёплым солнечным лучам. Быстрее бы весна. Дачный посёлок погружается в пучину зелени и ароматов, оживают улицы и дворы и отовсюду слышатся детские голоса. Хорошо! А, ещё, на рыбалочку съездить. Походить по речке с накидкой, маринку половить, удочкой судачков и карасей надёргать, а вечером посидеть у костра.

Он, почти ощутимо, представил себе жар горящего костра, треск сучьев в огне, дымок и аромат тройной ухи. Фантазия живо нарисовала перед внутренним взором вечернюю речку, подсвеченную бликами костра, пляшущее пламя и... Юлию рядом. Опять Юлия. В последнее время она не выходит из головы. Зря, все-таки Макс нагрубил ей тогда. Дурак ненормальный. Гордость разыгралась? Да нет, скорее злость. Злость на то, что она так недосыгаема, на то, что ни на что большее, чем жалость он не может рассчитывать. Да, пусть жалость. Зато, всю неделю она была бы рядом с ним. Целую неделю Максим мог бы наслаждаться ароматом её духов и прикосновением её рук.

Это было так возможно, но он, как последний дурак, всё испортил. Да что уже сделаешь? Знал бы, хотя бы, где искать, хоть извинился бы. Да что теперь изменишь? Снявши голову, по волосам не плачут. Так комбат говорил, Хороший

мужик был. Жаль, погиб нелепо. Подорвался на своей же растяжке. Мысли переключились на работу. Погодка балует. Ещё бы денька два полежать, но нельзя. Работать надо. По таким дорогам после той снежной каши одно удовольствие ездить. Да и времени сколько упустил. Завтра надо выезжать. Макс щелчком отбросил окурок и пошёл домой.

Юлия вышла из своего кабинета и осмотрела салон. Ряды полок с обувью, стойки с одеждой, приличные покупатели и вышколенный персонал. Её салон – один из наиболее престижных в городе. Да, ещё, несколько поменьше в разных концах города. Это Юлькина гордость, империя, созданная вот этими руками. А шесть лет назад всё начиналось с небольшого бутика. И никто не верил, что она сможет раскрутить своё дело. А она смогла. Только, зачем всё это? Всё чаще такой вопрос омрачал радость от своего успеха. Одной ей много ли надо? Годы идут, а того единственного рядом нет. Одна на работе, одна на отдыхе, одна дома... Везде одна.

Юля попыталась представить, что сейчас у входа в салон её ждёт с букетом в руках муж. Прикрыла глаза, сосредоточилась и ойкнула от увиденной картины, обратив на себя внимание всего персонала. Она представила не абстрактного красавца на «Феррари» с букетом голландских роз, а вполне реального Максима с букетиком полевых цветов. Да что за наваждение? Дался Юлке этот Макс! Хватит того, что он оскорбил её в самых лучших чувствах. И видеть его не хо-

чется, и слышать его голос нет никакого желания.

А, всё-таки, его голос очень красивый, с лёгкой хрипотцой. Ну и пусть красивый. Всё равно не хочется. Вот так вцепиться ему в его короткие волосы, дёрнуть на себя и.... поцеловать. С ума сошла. Он же скотина последняя. Сколько плакала, а всё туда же. Она глянула вокруг, и под её властным взглядом опять заработал механизм её бизнеса. Старший менеджер с преувеличенным усердием бросился на помощь продавцу, обрабатывающему довольно представительного клиента. Правильно. Пусть боятся. Все знают, что с хозяйкой разговор короткий.

Проходя по салону, Юлька почти явственно витавшую в воздухе общую мысль: «Стерва». Пусть так. Она не заблуждалась на свой счёт и прекрасно знала, что её жёсткий стиль руководства мало прибавляет ей популярности среди подчинённых. Но, зато, зарплата, получаемая ими. заставляет их держаться за своё место и добросовестно выполнять свои обязанности.

Юля вышла из салона и. не торопясь, пошла к машине. Погода радовала, лёгкий тёплый ветерок трепал волосы и ласкал кожу лица, вспыхнувшего от неожиданных мыслей. Она постояла у машины, наслаждаясь почти весенним теплом, потом села за руль и тронулась с места. Вечером была запланирована очень важная встреча, поэтому необходимо было привести себя в полную боевую готовность. Салон красоты гостеприимно распахнул перед Юлией свои двери,

и она отдала себя в руки мастеров, настоящих специалистов своего дела. Каких-то три часа, и из недр салона вышла красивая тигрица с безупречным макияжем, искусным маникюром и умело уложенной причёской. Время, как раз, заехать домой, одеть платье «От кутюр» и лететь в ресторан, где ожидал её вероятный клиент, и, от того, как умело она проведёт эти переговоры, зависит, насколько выгодной будет сделка.

Дорогой и престижный ресторан встретил Юльку мягкой приглушённой музыкой. По паркету беззвучно скользили официанты, разнося подносы с заказами. Она задержалась на входе, осматривая зал. Из-за дальнего столика в углу поднялся пожилой мужчина и приветственно помахал ей рукой. Юлия улыбнулась в ответ и направилась к нему.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич. Надеюсь, я не опоздала?

– Помилуйте, Юленька. Такая красивая женщина, как вы, не опоздает, даже если придёт на два часа позже. Ну а вы, вообще, точны, как швейцарский хронометр.

На руке у собеседника сверкнул золотой «Роллекс». На столе, уже, стояли фрукты и бутылка дорогого вина. У столика бесшумно, как привидение, появился официант. Юля, не открывая меню, сделала заказ. Этот ресторан ей нравился, и она часто здесь бывала.

– Юленька, давайте, не дожидаясь заказа, приступим к нашему делу. Кстати, попробуйте вино. Очень хорошее.

– К чему такая спешка, Игорь Николаевич? Может, покушаем сначала? Говорят, мужчины на сытый желудок более сговорчивы.

– Юленька, от вашей красоты я просто теряю голову, и, кажется, готов подписать самый невыгодный договор. Просто, я приготовил вам небольшой сюрприз, который подойдёт чуть позднее, на десерт. Поэтому мне хочется закончить наши дела как можно скорее.

– Надеюсь, сюрприз приятный? Я не люблю неприятных сюрпризов.

– Да кто же их любит? Не волнуйтесь. Я думаю, он вам понравится. А вы, всё-таки, попробуйте вино. Ваше здоровье.

Юля пригубила вино. Оно, действительно, было очень хорошим. Игорь Николаевич знал толк в винах. Как, впрочем, и во всём остальном. С ним она познакомилась год назад в Москве. Крупный российский предприниматель, он оказался выходцем из её города и, более того, у них оказались общие знакомые. Время от времени они перезванивались и даже, как-то раз провернули вместе небольшую сделку. А недавно, когда он позвонил ей и сказал, что хочет приехать, голову посетила одна идея.

Сеть салонов «Юлия» известна по всему городу. Но в них продаётся дорогая фирменная и эксклюзивная одежда и обувь. Далеко не каждому по карману одеться здесь. А если открыть сеть магазинов для людей со средними и низкими доходами? Цены, за счёт объёма продаж, можно снизить до

базарных, а то и ниже. Уровень обслуживания и комфортные условия позволят успешно конкурировать с рынками. Юля учла и то, что в Киргизии у Игоря Николаевича развёрнуты предприятия по пошиву недорогой одежды. И, если они сейчас договорятся, то, месяца через четыре, можно сделать презентацию нового направления в её империи. Несмотря на комплименты, разговор шёл трудно, однако, к обоюдному согласию всё же удалось прийти. Официант принёс заказ, и Игорь Николаевич вновь налил вино. Мельком взглянув на свой «Роллекс», он поднял тост за приятные неожиданности. Юлька отпила и чуть не выронила бокал, услышав над собой до боли знакомый голос, отдавшийся в сердце щемящей тоской.

– Здравствуй, Юлия.

Она обернулась. За её спиной стоял ОН. Тот, из-за которого на втором курсе было пролито столько слёз. «Поматросил и бросил» – как сказала её однокурсница Галка Свиридова. И вот он сейчас перед ней с букетом сногшибательных лилий. Он всегда умел делать шикарные жесты.

– Здравствуй, Юра.

Голос предательски дрожал. Старая любовь, в своё время затоптанная и безжалостно умерщвлённая, вдруг, ожила. Ну и пусть, тогда, он перешагнул через нее и устремился навстречу новым наслаждениям. Зато сейчас он останется с ней.

– Вот это и есть мой маленький сюрприз. Надеюсь, прият-

ный. Пожалуй, я пойду. Завтра я жду ваши бумаги, Юленька. Хорошо вам посидеть. Всего доброго.

Игорь Николаевич встал из-за стола и пошёл к выходу. Они остались одни. Сколько раз она представляла их встречу, а всё произошло так неожиданно.

– Я очень рад тебя видеть. Ты стала ещё прекрасней.

– А ты всё такой же пижон и бабник?

– Ты мне никак не можешь простить прошлое? Я изменился. И все эти годы думал только о тебе. Прости меня.

Юля слушала этот голос и наслаждалась его звуками. Они говорили и говорили о себе, о работе, об общих знакомых. Заиграла музыка. Это был Джо Дассен. «Люксембургский сад». Её любимая песня.

– Твоя любимая. Пойдем, потанцуем?

– Пойдём. А ты помнишь и это?

– Я всё помню. Пошли.

Он повёл её в танце, как всегда, уверенно и умело. Юля склонила свою голову ему на плечо и целиком отдалась своим чувствам. Юра наклонился и поцеловал её. Это было безумие. Преуспевающая бизнес-леди, достаточно известная в городе, целуется посреди ресторана. «У меня настолько безупречная репутация, что её давно уже пора испортить» - вспомнила она фразу из «Служебного романа»: «Пусть». Юлька прижалась к нему всем телом и страстно ответила на поцелуй.

– Поедем? – он заглянул ей в глаза.

– Куда?

– Куда хочешь.

– Тогда, поехали ко мне.

– Поехали.

Они начали целоваться прямо в подъезде. Задыхаясь от страсти, Юлия едва смогла найти на ощупь ключи от квартиры. Они шли по коридору, сбрасывая с себя предметы одежды, ничего не видя и не слыша. Пару раз звонил телефон, но им совершенно не было дела до телефона. Изнемогающие от желания, они рухнули на кровать, и отдались своей страсти. Голова шла кругом, и ей совсем не хотелось думать о своих поступках. Что будет – то будет. Ночь была бешеной. Наконец, устав от страсти, они рухнули бок о бок и уснули.

Он выскочил из переуллка прямо под колёса БТРа. Лет двенадцать на вид, на плече труба противотанкового гранатомёта. Водитель успел нажать на тормоз, чтобы не задавить подростка. Макс закричал. Слишком свежо было в памяти, как такой же пацан уничтожил танк вместе с экипажем. Механик-водитель танка, тоже, не захотел давить мальчика. Максим сорвал с плеча автомат и нажал на спусковой крючок. Фигура подростка подломилась и граната, выпущенная из гранатомёта, ушла в синее небо. От прикосновения чьей-то руки ко лбу Макс проснулся.

– Сынок, ты так кричал во сне. – Сказала мать.

– Извини, мама. Сколько сейчас времени?

– Скоро семь.

– Я встану.

– Полежи ещё! Рано, ведь.

– Нет. Мне надо на работу.

– Какая работа? Ты ещё не оправился от болезни. И вообще, ты прекрасно знаешь, что я всегда была против твоей работы. Кадровый офицер, и работает извозчиком!

– Мама!

– Что, мама? Я каждый день места себе не нахожу. Сколько в новостях передают об убийствах таксистов! Да ещё и живёшь у чёрта на куличках. У нас прекрасная квартира, а он сослал себя на дачи и живёт в какой-то развалюхе. Поэтому у тебя ни друзей нет, ни женщины порядочной.

– Мои друзья на войне остались. И меня устраивает одиночество. А женщины... Это отдельная тема.

Настроение, вдруг, испортилось, и Макс, чертыхнувшись, пошёл умываться. Да, город есть город. Горячая вода, тёплый туалет. Может, когда-нибудь, когда память о войне зарубцуется в душе, он и вернётся в эту квартиру. А пока... Пусть никто не слышит, как по ночам он скрежещет зубами и просыпается от собственного крика. Так удобней. Мать уже накрыла завтрак и неодобрительно наблюдала, как Максим быстро, по-армейски, проглотил бутерброд, варёное яйцо, запил всё это кофе и, одевшись, выскочил на улицу. «Москвич» на стоянке стоял грязный и, казалось, поникший, как брошенная собака. Чувство жалости шевельнулось в душе к

этому преданному товарищу.

– Привет, друг. Соскучился? Извини, болел. Сейчас заедем на мойку, приведём тебя в порядок и на работу.

Охранник с удивлением наблюдал за этим монологом. Максиму стало неловко, он быстро сел за руль и выехал с территории автостоянки. Действительно, было ещё рано. Работавшую мойку в такую рань пришлось поискать. Но всё равно, несмотря на потерянное время, на пятак он приехал первым. «Кто рано встаёт – тому бог подаёт», - подумалось Максиму. Откинувшись на подголовник, Он задремал, но стук в стекло быстро разбудил его. В машину заглядывал мужчина, судя по его импозантному виду, достаточно обеспеченный. Такие, обычно не торгуются.

– Шеф., свободен?

– Да, садитесь. Куда едем?

– Подожди. Сейчас дама подойдёт. Я пораньше вышел, чтобы тачку поймать. А она... Женщины, сам знаешь, как собираются. Особенно, после ночи любви.

Мужик сыто улыбнулся, как кот, наевшийся сметаны и сразу, почему-то, стал неприятен Максиму. Желания продолжить разговор не было. Максим открыл дверцу, вылез из салона и закурил. Однако мужик молчать не желал и тоже выбрался наружу.

– Уже утро, а темно так. Хорошо, что у меня зажигалка с фонариком. А так, можно и ноги переломать. Я, пока к тебе близко не подошёл, даже и не понял, что это «Москвич».

Извини, шеф, но таких тёлочек, как моя, на таких машинах не возят. Но, деваться некуда. В такую рань выбор невелик.

—Есть такси по телефону. Заказывай себе хоть «Мерседес».

—Да не обижайся ты. А, вот и она, кажется. Вот темень, ни черта не видно!

На выходе из двора показалась стройная женская фигурка. У Макса нехорошо шевельнулось в груди. Они узнали друг друга практически одновременно. Юлия, чуть не оступилась от неожиданности и остановилась. Максим швырнул сигарету в сторону и зло выдохнул дым.

—Извини, мужик. Но придётся тебе, всё-таки, вызвать такси по телефону.

Он резко утопил педаль газа до самого полика и помчался по просыпающемуся городу, куда глаза глядят. Оказывается, она живёт здесь. Вот стерва! А он мечтал о ней. Поколесив по городу, Макс немного успокоился. В конце концов, чего он взбеленился. И так понятно, что гусь свинье не товарищ. Не того поля ягода она, чтобы Максиму претендовать на неё. Однако, в груди противно ныло. Ну и денёк начинается. Сначала мать настроение испортила, а, потом, Юлия. Какая уже работа?

На подъезде к пятаку машина чуть не влетела в собачью свадьбу. Из-под колёс сыпанули разношёрстные дворняги, среди которых Макс с радостью увидел колли. Хотя в чём-то повезло. Он вышел из машины и позвал пса. Колли,

уже наученная опытом бездомной жизни, повела себя настоя-
роженно. Максим достал бутерброд, заботливо положенный
матерью и протянул его собаке, присев на корточки. Желание
иметь хозяина пересилило осторожность, и пёс подошёл.
Макс осторожно протянул руку, коснулся влажного холод-
ного носа и погладил по свалявшейся грязной шерсти.

– Пошли со мной. Что тебе здесь делать? Давай, садись в
машину.

Собака, помедлив, прыгнула на заднее сиденье. Да гори
оно огнём, всё это зарабатывание денег! Максим тронулся с
места. Он, наконец, встретил единственного друга, который
не предаст. На сегодня рабочий день закончен. Да и его до-
мик в дачном посёлке, скорее всего, соскучился по хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.